A detailed pencil sketch of Cleopatra's face, showing her iconic features like the heavy-lidded eyes and ornate headdress, rendered in a soft, artistic style. The sketch is the background for the entire book cover.

МИРОВОЙ БЕСТСЕЛЛЕР

КЛЕОПАТРА ЖИЗНЬ

СТЕЙСИ ШИФФ

ЛАУРЕАТ
ПУЛИТЦЕРОВСКОЙ
ПРЕМИИ

18+

Стейси Шифф

Клеопатра: Жизнь.

Больше чем биография

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67848297

Клеопатра : Жизнь. Больше чем биография / Стейси Шифф ; пер.

с англ. М.Е. Леоненко: КоЛибри, Азбука-Аттикус; Москва; 2022

ISBN 978-5-389-21554-2

Аннотация

Автор биографий и лауреат Пулитцеровской премии Стейси Шифф создала яркий портрет самой неоднозначной женщины в мировой истории – Клеопатры, последней правительницы Египта. Ее дворец сверкал драгоценными камнями и золотом и славился политическими играми. Клеопатру связывали тесные отношения с Юлием Цезарем и Марком Антонием, однако ее личность оказалась слишком плотно занавешена романтическим флером. Египетская царица не находилась в тени этих самых выдающихся римлян того времени – владычица почти всего Восточного Средиземноморья, последнего из великих царств в истории Египта, была сильным правителем, способным создать свой флот, подавить восстание, удержать денежный курс, накормить голодных. Она свободно изъяснялась на девяти языках и была проницательным стратегом и искусным

переговорщиком. Ее образ воссоздавали Уильям Шекспир и Бернанд Шоу, Микеланджело Буонарроти и Джованни Баттиста Тьеполо, а многие из наших современников судят о внешности и характере царицы по ее кинематографическому «двойнику» – блистательной Элизабет Тейлор. Однако далеко не все детали драматической жизни Клеопатры, не все грани ее сложного характера возможно отразить художественными средствами, к тому же много информации было утрачено или мифологизировано. Профессионально работая с классическими источниками, Стейси Шифф виртуозно отделяет факты от вымысла, чтобы явить миру истинную Клеопатру. Богатая информацией и эпическая по масштабу книга, переведенная на 30 языков, представляет собой глубокую и тщательно проработанную реконструкцию жизни этой выдающейся личности, а вкладка с цветными иллюстрациями делает ее образ еще более зримым.

«Восстановить личность Клеопатры – значит бережно отнестись к немногим дошедшим до нас фактам... Недавние исследования проливают на историю женщин Античности и эллинистического Египта совершенно новый свет».

(Стейси Шифф)

Содержание

1. Эта египтянка	11
2. «Мертвец не укусит»	27
Конец ознакомительного фрагмента.	71

Стейси Шифф Клеопатра: Жизнь. Больше чем биография

Посвящается Макс, Милли и Джозе

Stacy Schiff
CLEOPATRA
A Life

Перевод опубликован с согласия Little, Brown and Company, New York, New York, USA. All rights reserved.

Перевод с английского Марии Леоненко

© Stacy Schiff, 2010

© George W. Ward, maps

© Леоненко М. Е., перевод на русский язык, 2022

© Издание на русском языке. ООО «Издательская Группа
«Азбука-Аттикус», 2022 Колибри®

В книге представлен портрет исторической фигуры гораздо более сложной и завораживающей, чем любое вымышленное творение, и панорамная картина ее мира. Все это основано на авторитетных знаниях об эпохе и на понимании характеров главных действующих лиц, необходимом для проницательной оценки вероятных мотивов их действий.

Митико Какутани, литературный критик New York Times

Повествование наполнено убедительными картинками, такими как космополитическое очарование Александрии и кровопролитные распри Рима. Портреты Юлия Цезаря и Марка Антония свежи и провокационны, но самое важное здесь то, что

Клеопатра предстает проницательной, хитрой и очень компетентной женщиной у власти, которая знала, как привести страну к процветанию.

Рон Черноу, писатель, журналист, биограф, автор книги «Титан. Жизнь сэра Джона Д. Рокфеллера»

Основанный на тщательном исследовании рассказ об одной из самых известных фигур в истории.

Саймон Винчестер, писатель, кавалер Ордена Британской империи

Жизнь самой соблазнительной женщины в истории человечества описана одним из наиболее одаренных биографов нашего времени.

Джозеф Джон Элис, лауреат Пулитцеровской премии по истории

В этой биографии Клеопатры утверждается, что образ египетской правительницы, какой мы ее знаем на основании легенд, более поздней литературы и голливудских фильмов, в значительной степени неточен. Автор раскрыл настоящую Клеопатру и показал, почему следует воспринимать ее как хитрого политического стратега и жесткого переговорщика, а не судить царицу по красоте и взаимоотношениям с мужчинами. Благодаря разнообразию деталей, включенных в повествование, читатель приходит к пониманию сложностей мира, в котором жила Клеопатра.

NPR

Что мы на самом деле знаем о Клеопатре? Автор обильно цитирует сочинения древних и более поздних историков, а затем объясняет, почему им нельзя доверять. Одно из несравненных достижений биографа состоит в критике источников, направленной на то, чтобы установить, какие цели преследовали те или иные авторы.

Newsweek

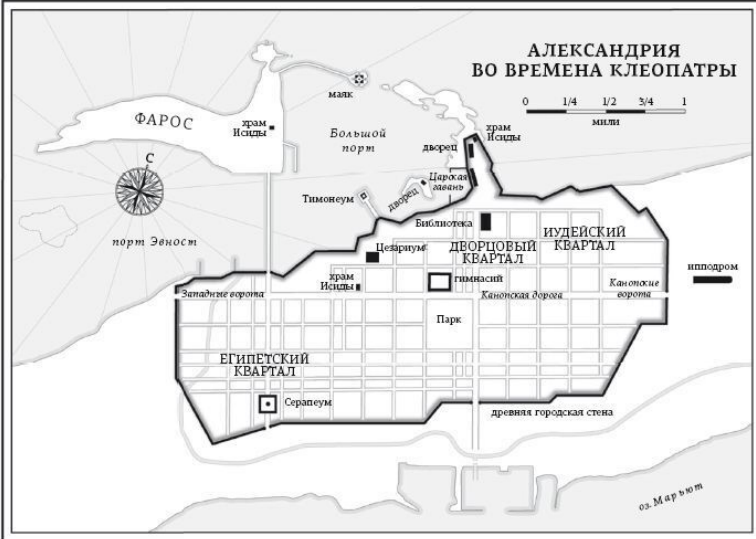
Эта история служит поучительным рассказом об опасностях, которые подстерегают знаменитостей, стремящихся поддерживать имидж. Самая сильная сторона автора заключается в тонком анализе личности. Путем препарирования укоренившихся мифов и устаревшей пропаганды предоставляется контекст и высказываются идеи, которые углубляют наше понимание Клеопатры и того, какой царицей она была.

Los Angeles Times

Провокационное переосмысление неверно понятого образа царицы – научное и одновременно интересное. Автор приводит убедительные доводы в пользу политического гения Клеопатры. На протяжении одного из самых хаотичных периодов римской истории ей неоднократно удавалось выбрать благоприятный курс для своей страны.

The Boston Globe

АЛЕКСАНДРИЯ ВО ВРЕМЕНА КЛЕОПАТРЫ

1. Эта египтянка

Во всех делах разумное полезно недоверье¹ [1].

Еврипид. «Елена»

Одна из самых известных женщин, когда-либо живших на земле, Клеопатра VII, правила Египтом двадцать два года. Однажды потеряв власть, она ее обрела, потом едва снова не потеряла, затем собрала империю, а в итоге лишилась всего. В детстве богиня, в юности царица, далее – суперзвезда, она еще при жизни стала объектом разговоров и поклонения, сплетен и легенд. На пике могущества она была владычицей почти всего Восточного Средиземноморья. В одно мимолетное мгновение в ее руках была судьба всего западного мира. Она родила ребенка от женатого мужчины и еще троих – от другого, и умерла в тридцать девять лет, относясь к последнему поколению до Рождества Христова. Катастрофа закрепляет репутацию, а финал жизненного пути Клеопатры был внезапен и громок. С тех пор она навсегда завладела нашими умами. Многие говорили и продолжают говорить от ее имени, среди них – величайшие драматурги и поэты. Мы вкладываем собственные слова в ее уста вот уже две

¹ «Елена» Еврипида здесь и далее цит. в пер. И. Анненского. – *Здесь и далее, если не указано иное, прим. перев.*

тысячи лет. Надо сказать, у Клеопатры выдалась на редкость насыщенная загробная жизнь: ее именем названы астероид, видеоигра, марка сигарет, игровой автомат и стриптиз-клуб, она и навязший в зубах штамп, и «синоним» Элизабет Тейлор. Шекспир убеждал нас в ее бесконечной изменчивости, потому что ничего не знал о ней самой.

Имя известно всем, но образ весьма расплывчат. Да, Клеопатра – одна из самых заметных фигур в истории, но при этом мы слабо представляем себе, как она на самом деле выглядела. Портреты на монетах, отчеканенные при жизни царицы и, судя по всему, ею самой одобренные, – единственное свидетельство, которому можно верить. К тому же мы помним ее вовсе не за то, за что должны бы. Только одаренный и дальновидный правитель способен создать свой флот, подавить восстание, удержать курс валюты, накормить голодных. Выдающийся римский полководец доверял ее хватке в военных делах. Она стояла особняком даже во времена, когда женщин-правительниц было немало: это единственная царица Древнего мира, правившая самостоятельно и игравшая заметную роль в отношениях с Западом. Она была несравнимо богаче, чем кто-либо еще в Средиземноморье, и влиятельнее любой другой женщины своей эпохи [2] – о чем в свое время напомнили одному чересчур горячему царю, который задумал убить гостившую у него владычицу Египта². Клеопатра происходила из рода потомственных убийц и при-

² Речь идет о царе Ироде.

лежно поддерживала семейную традицию, но вела себя на удивление прилично, если учесть, где и когда она жила. Тем не менее ее до сих пор воспринимают всего лишь как экстравагантную соблазнительницу: это не первый и не последний случай в истории, когда действительно могущественная женщина низводится до бесстыдной блудницы.

Жизнь Клеопатры – как и любого человека, о ком пишут поэмы, – полнилась неурядицами и разочарованиями. Она росла в неслыханной роскоши и унаследовала царство в состоянии упадка. Десять поколений ее предков самозабвенно играли в фараонов. На самом же деле Птолемеи были македонскими греками, так что Клеопатра примерно такая же египтянка, как Элизабет Тейлор. В восемнадцать лет ей досталась страна с тяжким прошлым и шатким будущим. Между ней и Нефертити – тысяча триста лет. Пирамиды, которые царица почти наверняка показывала Юлию Цезарю, тогда уже покрылись граффити. Сфинкса последний раз реставрировали тысячу лет тому назад. Слава некогда великой империи Птолемеев угасла. Взросление Клеопатры пришлось на времена, когда над миром нависла тень Рима, распростершегося до египетских границ. Ей было одиннадцать, когда Цезарь напомнил своим военачальникам: тот, кто не воюет, не богатеет и не покоряет другие народы, – не римлянин. Один восточный монарх, начавший собственную эпическую борьбу с Римом, так высказался о будущих проблемах Клеопатры: римляне схожи с волками. Они ненавидят великих ца-

рей. Они расхищают их имущество. Они хотят захватить все и «либо все уничтожить, либо пасть»³ [3]. Это весьма прозрачный намек на последнюю оставшуюся на Востоке богатую страну, входившую в сферу римских интересов. Египет умел быть гибким, – благодаря чему по большей части смог сохранить свою автономию, – однако уже был крепко повязан с Римом.

Отцу Клеопатры стоило огромных денег получить официальный статус «друг и союзник римского народа». Его дочь вскоре поняла, что мало быть другом народа и сената: необходимо подружиться с самым могущественным римлянином. А попробуй, найди такого в поздней республике, раздираемой гражданскими войнами. Вся жизнь Клеопатры проходила на их фоне. Тщеславные римские военачальники бились в бесконечном поединке амбиций, исход которого дважды – и оба раза крайне неожиданно – решался на египетской земле. После каждого такого катаклизма средиземноморские страны содрогались в попытках скорректировать свою верность тому или иному политику и перенаправить потоки благодарности. Отец Клеопатры поставил все на Помпея Великого, блестящего римского полководца, который пользовался, казалось, неистощимой благосклонностью фортуны. Помпей стал покровителем семьи, а еще вступил в войну с Юлием Цезарем – как раз тогда, когда на другом бе-

³ *Гай Саллюст Крисп.* Письмо Митридата, 21. Здесь и далее цит. в пер. В. О. Горенштейна.

регу Средиземного моря восходила на трон Клеопатра. Летом 48 г. до н. э. Цезарь разгромил Помпея в Центральной Греции. Помпей сбежал в Египет, где его радостно встретили и сразу же, не откладывая в долгий ящик, обезглавили. Клеопатре исполнился двадцать один год. У нее не было иного выбора, кроме как начать заигрывать с новым повелителем римского мира. Эта египтянка сильно отличалась от остальных вассальных правителей, имена которых – и не случайно – не дошли до наших дней. Все последующие годы она пыталась направить беспощадное римское цунами в нужное ей русло, меняла покровителей после убийства Цезаря и в итоге закрутила роман с его протеже, Марком Антонием. С высоты сегодняшнего дня ее правление выглядит всего лишь как отсрочка приговора: фактически для нее все было кончено раньше, чем началось. Хотя, конечно, молодой царице так не казалось. После ее смерти Египет превратился в римскую провинцию, а независимым государством снова стал лишь в XX столетии.

Можно ли сказать что-нибудь хорошее о женщине, которая спала с двумя самыми влиятельными мужчинами эпохи? Можно, конечно, но только если вы не римский историк. В Клеопатре сошлись две грозные стихии: она была женщиной и обладала властью. Умные женщины, как за сотни лет до того предупреждал Еврипид, опасны. Известный римский историк с чувством глубокого удовлетворения обзывает одну иудейскую царицу «всего лишь номинальной правительни-

цей»⁴ [4], а через шесть страниц обвиняет ее же в непомерных амбициях и ненасытном властолюбии⁵. В ходу были и более обезоруживающие проявления власти. В брачном контракте I века до н. э. невесте предписывалось быть верной и любящей, а также не подмешивать любовное зелье в еду или питье мужа [5]. Мы не знаем, любила ли Клеопатра Антония или Цезаря, но точно известно, что она умела заставить каждого из них играть в ее игру, то есть, с точки зрения римлян, обоих «превратила в рабов». И это была так называемая игра с нулевой суммой: женская авторитарность в любом случае оставляла мужчину в проигрыше. Жена первого римского императора Августа якобы так объясняла секрет своего влияния на мужа: «...будучи самою во всем более целомудренной, делая с удовольствием все то, что радовало его, и не вмешиваясь ни в какие из его дел, особенно делая вид, что не знает и не замечает предпочтения его страсти»⁶ [6]. У нас нет оснований принимать эту формулу за чистую монету. Впрочем, Клеопатра была сделана совершенно из другого теста. Она могла на рыбалке, греясь в лучах ленивого александрийского солнца, спокойно напомнить самому знаменитому римскому полководцу, чтобы не расслаблялся и не забывал о своих обязанностях.

⁴ *Иосиф Флавий*. Иудейские древности. Здесь и далее цит. в пер. Г. Г. Генкеля.

⁵ Иосиф Флавий говорил так о царице Саломее Александре, правившей Иудеей с 76 по 67 г. до н. э.

⁶ *Кассий Дион*. История римлян. LVII–LXIII. Пер. В. Н. Талаха.

Для римлян греки воплощали собой вольнодумие и пренебрежение к законам. Клеопатра же была виновна вдвойне: во-первых, происходила из культуры, известной своим «врожденным умением лгать»⁷ [7], а во-вторых, жила в Александрии. Типичный римлянин не видел разницы между экзотикой и эротикой: Клеопатра была плоть от плоти своей темной, плодородной земли и капризной, экстравагантной, поражающей воображение реки – этокое олицетворение потустороннего, мистического Востока. Мужчины теряли из-за нее головы или, по крайней мере, меняли планы. Такой она выведена даже в биографии Марка Антония, написанной Плутархом. Историк XIX века называет ее при встрече с Цезарем «распущенной шестнадцатилетней» [8] (на самом деле она скорее была крайне собранной женщиной двадцати одного года). Скандальная репутация Востока была гораздо старше Клеопатры, но это никого не волновало: царица родилась в греховной стране страстей и излишеств. Неудивительно, что Цезарь стал историей, а Клеопатра – легендой.

Еще больше тумана напустили римские летописцы, которые весьма приблизительно ориентировались в собственной древней истории. Все мы порой, как Марк Твен в забитом туристами Ватикане, предпочитаем копии оригиналу. Так же и античные классики создавали труды, просто подновляя старые сказки. Именно они взвалили на Клеопатру чужие поро-

⁷ Цицерон – брату Квинту. «Письма Марка Туллия Цицерона к Аттику, близким, брату Квинту, М. Бруту». Здесь и далее цит. в пер. В. О. Горенштейна.

ки. Историю все время требовалось переписывать и придавать ей все больше лоска, не заботясь о точности. В античных текстах злодеи всегда одеваются в особенно вульгарный пурпурный, едят слишком много жареных павлинов, умащают тела редкими дорогими маслами, растворяют в кислоте жемчуг. Будь ты мятежной царицей или безжалостным пиратом, судить тебя все равно будут за «гнусную роскошь»⁸ [9]. Зло и роскошь считались синонимами, мир переливался пурпуром и золотом. История плотно переплелась с мифом, люди – с богами: это тоже не упрощает нам ситуацию. Клеопатра жила в мире, где можно было запросто поклониться остаткам Орфеевой лиры или увидеть скорлупу яйца, из которого вылупилась дочь Зевса (это случилось в Спарте).

История не просто пишется потомками: она пишется еще и для потомков. Авторы самых надежных из наших источников никогда не видели Клеопатру. Плутарх родился через семьдесят шесть лет после ее смерти (он писал в одно время с апостолами Матфеем, Марком, Лукой и Иоанном). Аппиан Александрийский работал спустя еще одно столетие, Дион Кассий – спустя два с лишним. История Клеопатры отличается от истории других женщин тем, что мужчины, которые ее сочиняли, – по разным причинам – преувеличивали ее роль, а не старались задвинуть подальше. Связь с Марком Антонием была самой продолжительной в ее жизни, но

⁸ *Плутарх*. Сравнительные жизнеописания. Помпей, 24. Здесь и далее цит. в пер. Г. А. Стратановского.

связь с его врагом Октавианом Августом поистине сделала ее бессмертной. Август разгромил Антония и Клеопатру и, чтобы усилить сияние своей славы, познакомил Рим, так скажем, с «таблюдной» версией египетской царицы: ненасытной, вероломной, кровожадной, властолюбивой. Он раздул роль Клеопатры до невероятных размеров, чтобы то же самое случилось и с его победой и чтобы вывести из игры своего настоящего врага, бывшего шурина. В итоге мы имеем что-то типа драмы «Жизнь Наполеона» в изложении британца XIX века или эпический боевик «История Америки» глазами Мао Цзэдуна.

А теперь к творчеству коллектива крайне тенденциозных историков добавьте чрезвычайно обрывочные архивные документы. Ни одного папируса из Александрии не сохранилось. На поверхности земли от этого древнего города не осталось почти ничего. Похоже, самое большее, что у нас есть, – одно-единственное слово, написанное Клеопатрой (в 33 году до н. э. либо она сама, либо ее секретарь подписал царский указ греческим словом «гинесто» – «да будет так»). Античные авторы не опускались до статистики, а иногда и до логики тоже: их записи то и дело противоречат друг другу. Аппиан вольно обращается с деталями, Иосиф Флавий совершенно безнадёжен в хронологии. Дион Кассий предпочитал риторику точности фактов. Пробелы настолько часты, что выглядят неслучайными: все это смахивает на заговор молчания. Как иначе объяснить тот факт, что не со-

хранилось ни одного вызывающего доверие бюста Клеопатры, жившей во времена расцвета изысканной, реалистичной скульптуры? Письма Цицерона начала 44 года до н. э. – когда Цезарь и Клеопатра вместе проводили время в Риме – никогда не публиковались. Самый объемный труд по греческой истории старательно «причесывает» этот бурный период. Трудно сказать, чего нам не хватает больше. Аппиан обещает больше Цезаря и Клеопатры в своих четырех книгах, посвященных истории Египта, – книги не сохранились. Летопись Ливия обрывается за столетие до Клеопатры. О подробных записях ее лечащего врача мы знаем только из упоминаний Плутарха. Испарились хроники Квинта Деллия, а вместе с ними и чувственные письма, которые, по слухам, писала ему царица. Даже Марк Анней Лукан – что особенно раздражает – резко обрывает свою эпическую поэму на том, что Цезарь заперт во дворце Клеопатры в самом начале Александрийской войны. Когда не хватает фактов, в игру вступает миф, вездесущий сорняк истории.

Эти белые пятна представляют собой одну опасность, а то, что мы сами вокруг них сооружаем, – другую. Дела государственные уходят в прошлое, остаются дела сердечные. Властная женщина, разбирающаяся в политике, дипломатии и управлении; свободно изъясняющаяся на девяти языках; умеющая прекрасно говорить и харизматичная, Клеопатра все же выглядит совместным проектом римских пропагандистов и голливудских режиссеров. На нее ставят тавро мо-

гучей женской сексуальности. И с эпохой, надо сказать, ей не повезло: мало того что историю Клеопатры писали ее враги, так еще и слава ее пришлась на время расцвета латинской поэзии. Она вошла в литературу на языке, который был к ней враждебен, и опусы сыпались как из рога изобилия. Джордж Бернард Шоу среди источников к «Цезарю и Клеопатре» упоминает свое воображение. Многие историки опираются на Шекспира, что, с одной стороны, можно понять, но с другой – это как принять Джорджа Скотта за генерала Паттона⁹.

Восстановить личность Клеопатры – значит, во-первых, бережно отнестись к немногим дошедшим до нас фактам, а во-вторых, очистить ее от мифологической плесени и набившего оскомину грубого пиара. Она была гречанкой, история которой оказалась в руках мужчин, чье будущее определялось в Риме, – и большинство из них служило империи. Их исторические методы нам неясны¹⁰. Они редко называли

⁹ Актер Джордж Скотт сыграл Джорджа Паттона, известного крутым нравом американского генерала времен Второй мировой войны, в фильме «Паттон» 1970 г.

¹⁰ Работавший через 130 лет после Рождества Христова Иосиф Флавий нападал на своих недобросовестных коллег: «Некоторые из современных берутся писать о том, чего не только своими глазами не видели, но даже не потрудились расспросить об этом очевидцев. Разумеется, и о шедшей недавно войне некоторые писатели составили себе представление, хотя в тех местах даже и не побывали и уж тем более не присутствовали при самих событиях; при этом они весьма нескромно называют свои сочинения историей, хотя составили их по недостоверным слухам» (*Иосиф Флавий*. О древности еврейского народа. Против Апи-

свои источники. Они слишком полагались на память [10]. По современным меркам все они болтуны, апологеты, моралисты, фантазеры, переработчики, копипастеры, поденщики. Просвещенный Египет времен Клеопатры не смог произвести на свет ни одного настоящего историка. Приходится исходить из данности: источники, возможно, ненадежны, но других у нас нет. На сегодня ученые не имеют общего мнения о большинстве важнейших деталей ее жизни: мы не знаем, кем была ее мать, долго ли Клеопатра жила в Риме, сколько раз была беременна, сочеталась ли браком с Антонием, что произошло во время судьбоносной для нее последней битвы, как она умерла¹¹. В процессе написания этой книги я старалась не забывать, кто был хранителем архивов, а кто – обычным сплетником; кто в действительности интересовался Египтом, кто его презирал, кто там родился; у кого были проблемы с женщинами; кто писал с рвением римлянина, недавно приобретшего гражданство; кто мечтал с кем-то поквитаться, ублажить императора, отшлифовать поэтический дар. (Я не очень доверяю Лукану. Он появился на сцене слишком рано, до Плутарха, Аппиана или Диона. Еще он был поэтом и любителем сенсаций.) Даже когда записи не

она, I. 46, пер. Я. И. Израэльсона и Г. Г. Генкеля). Он громит древних греков за то, что они дают противоречивые сведения об одних и тех же событиях, – и тут же начинает делать то же самое. – *Прим. автора.*

¹¹ Даже великие творцы не могут прийти к единому мнению насчет Цезаря и Клеопатры: он ее любит (Гендель); он ее не любит (Шоу); он ее любит (Торнтон Уайлдер). – *Прим. автора.*

запутаны и не тенденциозны, в них зачастую слишком много напыщенности и преувеличений. Как уже отмечалось, в античные времена не существовало сухой, неприукрашенной истории [11]. Главное было – ошеломить. Я не пыталась заполнить пустоты, хотя периодически использовала возможности. Едва ли вероятное остается в книге все таким же едва ли вероятным, хотя даже в этих случаях мнения расходятся кардинально. Несовместимое остается несомкнутым. По большей части я восстанавливала контекст. Совершенно точно, что Клеопатра убила своих братьев и сестру, но ведь и Ирод, например, уничтожил собственных детей (а потом жаловался, что был «несчастнейшим из отцов»¹² [12]. Как напоминает нам Плутарх, такое поведение в среде царственных особ считалось тогда вполне нормальным. Клеопатра могла не быть красавицей, но своим богатством, своим дворцом способна была ошеломить любого римлянина. Все выглядит иначе с другого берега Средиземного моря. Недавние исследования женщин Античности и эллинистического Египта проливают на их историю совершенно новый свет. Я стремилась снять с последних минут жизни прославленной египетской царицы налет мелодраматической чепухи, излагая которую даже самые здравомыслящие летописцы выглядят сентиментальными сценаристами сомнительных телесериалов. Иногда, однако, драматизация вполне оправданна.

¹² *Иосиф Флавий*. Иудейская война, I.556. Здесь и далее цит. в пер. Г. Г. Генкеля.

В эпоху Клеопатры жили избыточные, неподвластные нашему пониманию персонажи. Под занавес величайшие актеры уходят внезапно. А за ними рушится мир.

Мы, конечно, очень многого не знаем о Клеопатре, но она тоже очень многого о себе не знала. Не знала, что живет в I веке до н. э. или в эпоху эллинизма [13], – эти понятия люди придумают позже. (Эллинизмом принято считать период между смертью Александра Македонского в 323 году до н. э. и смертью Клеопатры в 30 году до н. э. Пожалуй, лучшее ему определение – время греков, в котором греки не играли никакой роли.) Еще она не догадывалась, что была Клеопатрой VII, – хотя бы потому, что на самом деле была шестой Клеопатрой. И понятия не имела, кто такой Октавиан, ведь человека, который ее низверг, заставил покончить с жизнью и по большому счету создал ей образ в будущем, звали Гай Октавий. А тогда, когда соприкоснулся с ее судьбой, этот человек вообще именовал себя Гай Юлий Цезарь – в честь знаменитого двоюродного деда, ее любовника, который в своем завещании усыновил внучатого племянника. Нам он известен как Август, этот титул он присвоил лишь через три года после смерти Клеопатры. Здесь он выступает как Октавиан: все же два Цезаря в одной книге – явный перебор.

Большинство географических названий изменились с античных времен. По примеру Лайонелла Кассона¹³ я в своей

¹³ Лайонелл Кассон (1914–2009) – американский антиковед, почетный профессор Нью-Йоркского университета, автор нескольких популярных книг по исто-

книге порой жертвую логичным ради хорошо знакомого. У меня Беритус – Бейрут, а Пелузий – его больше нет, но существуй он сегодня, находился бы чуть восточнее Порт-Саида, прямо при входе в Суэцкий канал, – остался Пелузием. Аналогично я сделала выбор в пользу привычных нам написаний, а не транслитерации. Соперник Цезаря здесь – Помпей, а не Гнеус Помпеус Магнус, ставленник Цезаря – Марк Антоний, а не Маркус Антониус. География изменилась во многих аспектах: береговые линии отступили под натиском моря, болота высохли, горы разрушились. Александрия сегодня более плоская, чем во времена Клеопатры. Древний план города канул в прошлое, как и его слепящая глаза белизна. Русло Нила на три километра сместилось к востоку, но пыль, соленый морской воздух и пурпурные, знойные александрийские закаты никуда не делись. Человеческая натура, что характерно, совершенно не изменилась, законы истории тоже. События, описываемые разными очевидцами, все так же сильно отличаются друг от друга¹⁴. Вот уже более двух тысяч лет в неравной борьбе миф побеждает факт. Если не указано иное, все приведенные в книге даты относятся к пе-

рии Древнего мира.

¹⁴ Как происходило во все времена: «Основательная проверка сведений была делом нелегким, потому что свидетели отдельных событий давали разное освещение одним и тем же фактам в зависимости от их расположения к одной из воюющих сторон или силы памяти», жаловался Фукидид почти за четыреста лет до Клеопатры (*Фукидид*. История Пелопоннесской войны, I.22. Здесь и далее цит. в пер. Ф. Г. Мищенко). – *Прим. автора*.

риоду до нашей эры.

2. «Мертвец не укусит»

*Что за счастье и удача – не иметь большой
родни!¹⁵ [1]*

Менандр. «Привратник»

В то лето в пустыне, под палящим сирийским солнцем, она собрала отряд наемников. Ей двадцать один год, она сирота и в изгнании, уже успевшая узнать и что такое богатство, и что такое падение в бездну. Всю жизнь нежившаяся в небывалой роскоши, теперь она собирает преданных воинов в 320 километрах от родных дверей эбенового дерева и полов прохладного оникса. Палатка в пустынной глуши – самый комфортный ее дом за последний год: все эти месяцы она, рискуя жизнью, тайком пробиралась сюда через Средний Египет, Палестину и Южную Сирию. Все жаркое пыльное лето Клеопатра собирала армию.

Уж в чем в чем, а в этом женщины из ее рода всегда были сильны. И она готова к схватке с выдвинувшимся навстречу врагом. В опасной близости, неподалеку от прибрежной кре-

¹⁵ Заголовок главы – Менандр. Помпей, LXXVII; Плутарх. Сравнительные жизнеописания. Брут, XXXIII. Здесь и далее цит. в пер. С. П. Маркиша. «Привратник» («Комедии. Фрагменты») Менандра здесь (в эпитафье) и далее цит. в пер. О. Смыки.

пости Пелузий на восточной границе Египта, шагают 20 тысяч бывалых солдат – это как половина армии, с которой Александр Македонский вторгся в Азию три столетия назад. Внушительное сборище пиратов, бандитов, ссыльных, разбойников и беглых рабов под командованием ее тринадцатилетнего брата, с которым они вместе недавно унаследовали египетский трон. Вскоре она отодвинула его в сторону, а он в ответ изгнал ее из царства, которым им надлежало править совместно, как мужу и жене. Армия брата контролирует кирпичные стены Пелузия, его массивные шестиметровые полукруглые башни. Молодая женщина со своим войском стоит лагерем восточнее, вдоль безлюдного берега, окруженная раскаленным морем янтарного песка. Скоро бой. Ее положение можно в лучшем случае назвать безнадежным. Последний раз за ближайшие две тысячи лет Клеопатра VII стоит не на сцене, а за кулисами. Через несколько дней она ворвется в историю, на неизбежное отвечая невозможным. Идет 48 год до н. э.

Средиземноморье охвачено каким-то «странным безумием», питаемым всевозможными знамениями, предостережениями и экстравагантными слухами. Царит атмосфера нервного раздражения. За полдня можно пережить тревогу, восторг, вдохновение и страх. Некоторые слухи подтверждаются. В начале июля Клеопатра слышала, что римская гражданская война – поединок, в котором сошлись непобедимый Юлий Цезарь и неукротимый Помпей Великий, – вот-вот пе-

рекинется на Египет. Это очень тревожило: она помнила, что римляне выступали защитниками египетских царей. Более того, кое-кто из них сел на трон благодаря этой безжалостной силе, вскоре покорившей все Средиземноморье. Еще она хорошо помнит, что Помпей – близкий друг ее отца. Этот талантливый полководец десятилетиями одерживал победы на суше и на море, покоряя народ за народом в Африке, Азии и Европе. Оба они – и Клеопатра, и ставший ей врагом брат Птолемей XIII – у него в долгу.

Пару дней спустя Клеопатра узнает, что шансы погибнуть от руки того, кто тебе должен, ничуть не меньше шансов погибнуть от руки твоего ближайшего родственника. 28 сентября потерпевший сокрушительное поражение от Цезаря Помпей появился недалеко от побережья Пелузия. Отчаявшись, он искал убежища. Вполне логично, что он рассчитывал на юного царя, семью которого поддерживал и который очень многим был ему обязан. Нельзя отказать такому человеку в просьбе. Однако три регента, фактически правящие при молодом Птолеме, – Феодот, его учитель риторики; Ахилла, начальник царской охраны; и евнух Потин, лихо превратившийся из воспитателя в премьер-министра, – воспротивились. Незванный гость поставил их перед трудным выбором, и они спорили до хрипоты. Мнения разделились. Не принять Помпея означало получить в его лице врага. Принять его означало получить врага в лице Цезаря. Если они избавятся от Помпея, он не сможет помочь Клеопатре,

пользовавшейся его благосклонностью, а заодно не сможет сесть на египетский трон. «Мертвец не укусит», – таков был неоспоримый аргумент Феодота, учителя риторики, который с улыбкой предъявил его присутствовавшим: они не могут себе позволить ни порадовать, ни огорчить Помпея. Он отправил римлянину приветственное письмо и послал за ним «невзрачную лодку»¹⁶ [2]. Не успев ступить на берег, прямо на мелководье близ Пелузия, на глазах у армии Птолемея и самого маленького царя в пурпурных одеждах, Помпей был заколот и обезглавлен¹⁷.

Позже Цезарь пытался извлечь из этой дикости урок. Друзья нередко становятся врагами во времена катаклизмов, решил он. С таким же успехом он мог заметить, что во времена катаклизмов враги перевоплощаются в друзей. Птолемеи советники обезглавили Помпея главным образом для того, чтобы как следует выслужиться перед Цезарем. Можно ли еще подобострастнее лизнуть руку бесспорному хозяину Средиземноморья? Одновременно эти трое упростили положение Клеопатры. Стало ясно, что в римской гражданской войне – противоборстве такой страшной разрушительной силы, что сравнить его можно даже не с вооруженным конфликтом, а с чумой, наводнением или пожаром [3], – она

¹⁶ *Аппиан Александрийский*. Гражданские войны, II.84. Здесь и далее кн. II (гл. 49–139) цит. в пер. М. С. Альтмана.

¹⁷ Птолемей XIII наблюдал за убийством с берега, за что заслужил постоянное место в девятом круге Дантова ада. Его соседи там – Каин и Иуда. – *Прим. автора*.

поставила на проигравшую сторону.

Через три дня преследовавший врага Юлий Цезарь прибыл в столицу Египта – раньше своих войск. В Александрии, огромной метрополии, пышным цветом цвели темные замыслы, двойная мораль и хищения в особо крупных размерах. Здесь говорили быстро, на многих языках и все одновременно. Это был беспокойный город вспыльчивых и стремительных людей. Тут уже шло брожение, и еще один красный императорский плащ его только усугубил. Цезарь всегда осторожно выражал радость от своих побед, и сейчас себе не изменил. Когда Феодот предъявил ему отрубленную три дня назад голову Помпея, он в ужасе отвернулся. И прослезился. Частично слезы, возможно, даже были искренними. Все-таки Помпей когда-то был не просто его союзником, но и зятем¹⁸. Если опекуны Птолемея решили, что такое приветствие будет воспринято Цезарем с восторгом, то они ошибались. Если Цезарь решил, что убийство Помпея – доказательство поддержки его, Цезаря, александрийцами, то он тоже ошибся. На берегу его встретили беспорядками: в этом городе не хотели видеть римлянина, особенно с атрибутами официальной власти. В лучшем случае Цезарь начнет вмешиваться в их дела, в худшем – решит их завоевать. Римляне не так давно уже вернули к власти в Египте одного изгнан-

¹⁸ Юлия, единственная дочь Цезаря, была одной из жен Гнея Помпея. Плутарх утверждает, что брак был счастливым, и Помпей очень горевал, когда в 54 г. до н. э. она умерла в родах. – *Прим. автора.*

ного непопулярного царя, который в довершение всех бед обложил население данью, чтобы расплатиться за это с римлянами¹⁹. Александрийцам совершенно не улыбалось выплачивать долги правителя, которого они даже не хотели. Плюс они не горели желанием становиться римскими подданными.

Цезарь поселился в безопасности, на территории дворца Птолемеев, соединенной с царскими корабельными верфями, в восточной части города. Снаружи продолжались потасовки, вопли и грохот, подхваченные эхом, разносились по колоннадам улиц, но дворец надежно укрывал его от этих неприятностей. Он спешно послал за подкреплением. И немедленно вызвал к себе враждующих брата и сестру. Цезарь собирался стать арбитром в их противостоянии, так как десять лет назад они с Помпеем поддерживали возвращение на престол их отца. Риму необходим был стабильный Египет, особенно если учесть, что речь шла о больших долгах. Цезарь ранее уже предлагал своему сопернику «наконец отказаться от своего упорства, положить оружие и больше не испытывать военного счастья»²⁰ [4]. В общем, Клеопатра и ее брат должны проявить милосердие друг к другу и к своей

¹⁹ Речь идет об отце Клеопатры, Птолемеи XII Авлете, который после потери Египтом Кипра и присоединения последнего к Риму в 58 г. до н. э. из-за недовольства населения бежал в Рим, где умолял сенаторов вернуть его на александрийский трон, обещая им гигантские взятки. — *Прим. автора.*

²⁰ *Гай Юлий Цезарь. Гражданская война. III.10.* Здесь и далее цит. в пер. М. М. Покровского.

стране.

Этот приказ явиться заставил Клеопатру задуматься об оправдательной речи и произвести кое-какие расчеты. У нее были серьезные основания как можно скорее начать свою игру, пока опекуны брата ее не опередили. Армия Птолемея не пускала ее в Египет. Несмотря на то что Цезарь повелел Птолемею отвести войска, он ничего не предпринял. Продвигаться со своими людьми на запад через пески, к границе и башням Пелузия, означало рисковать столкновением. Есть предположение, что она отправила к Цезарю посредника, но потом, убежденная, что ее предали (не любили девушку царедворцы), пришла к выводу, что защищать себя перед римлянином надо лично. Для чего требовалось решить хитрую головоломку: как пробраться мимо вражеских укреплений, через постоянно патрулируемую границу, а затем и в охраняемый дворец, причем сделать это тайно и остаться в живых. Это потом Клеопатра будет ассоциироваться с помпезными появлениями на публике, а тогда, в ее первой и величайшей политической аванюре, проблемой было как раз стать невидимой. И с сегодняшних позиций ситуация выглядит довольно забавно: чтобы войти в бессмертие, чтобы ее история запечатлелась в веках, этой женщине пришлось «пронести себя контрабандой» в собственный дом.

Наверняка было много сомнений и раздумий. Плутарх пишет, что «она растерялась и не знала, что делать» [5], пока ей самой или кому-то из окружения (у нее тоже были дру-

зья) не пришла в голову гениальная идея. И вряд ли тут обошлось без генеральной репетиции. К тому же потребовалось участие нескольких чрезвычайно умелых помощников, одним из которых был сицилиец Аполлодор. Между Синайским полуостровом, где стоял лагерь Клеопатры, и александрийским дворцом, где она выросла, лежали зловещие топи с зудящими над ними тучами кровососущих насекомых. Эта болотистая местность защищала Египет от нападений с востока. Ее название недвусмысленно намекало на способность тяжелого песка, смешанного с водой, пожирать²¹ целые армии «с каким-то злобным коварством»²² [6]. Войска Птолемея контролировали береговую линию, где в импровизированной могиле гнило тело Помпея. Плыть на запад надежнее и проще всего было не по илистому мелководью близ Пелузия и не вдоль побережья Средиземного моря, где Клеопатра окажется на виду и вынуждена будет двигаться против течения, а уйдя на юг, вверх по течению Нила к Мемфису, и, сделав крюк по реке, затем вернуться на берег. Такое путешествие заняло не менее восьми дней. Речной маршрут тоже таил немало опасностей: водная артерия была забита транс-

²¹ Эта болотистая равнина называлась Баратра, возможно, это слово родственно топониму Баратрон – ров около Афин, куда сбрасывали приговоренных к смерти преступников. Автор придерживается мнения, что оно восходит к древнему корню, означавшему «пожирать». Кстати, в английском языке есть пришедшее из латыни слово *barathrum* (яма, прорва, бездна).

²² Диодор Сицилийский. Историческая библиотека, I.30.7. Здесь и далее цит. в пер. Г. П. Власова.

портом и контролировалась таможенниками. Итак, середина осени. Будущая царица, как мы можем предположить, плывет по беспокойному Нилу, гонимая сильным ветром и сонмом кровожадных комаров. Опекуны ее брата тем временем возмущены требованием Цезаря. Как смеет римский военачальник вызывать к себе царя? Нижестоящая сторона должна наносить визит вышестоящей, и Цезарю отлично это известно.

А Аполлодор в закатной тьме тихо причаливает маленькую двухвесельную лодочку в восточной гавани Александрии. Здесь, прямо под стенами дворца, совершенно темно, а дальше побережье залито ярким светом. С моря, с высоты ста пятидесяти метров, бьет луч света от величественного маяка, одного из чудес античного мира. Этот гигантский фонарь находится всего в километре, в конце рукотворной дамбы, соединяющей материк с островом Фарос. Клеопатры не видно: она забралась в большой холщовый мешок и вытянулась там во всю длину, а Аполлодор закинул мешок на плечо – и это единственный в литературе намек на размеры Клеопатры. Под ласковый шепот волн он идет вдоль дворцовых садов, мимо живописных вилл и колоннад галерей, раскинувшихся на целую милю вокруг и занимающих четвертую часть города. Аполлодор – не единственный, с кем она плыла сюда из пустыни, но, надо полагать, основной разработчик плана – хорошо знал местность. На его плечах Клеопатра, успешно миновав дворцовые ворота, въехала прямо в покои

Цезаря, вообще-то принадлежавшие ей. Это одно из самых необычных в истории возвращений домой. Многие королевы эффектно восставали из небытия, но только Клеопатра появилась на мировой сцене из грубого мешка, в каких обычно перевозили свитки папируса или небольшие золотые слитки. Хитрые уловки и трюки с переодеваниями были ее стихией. В дальнейшем она в минуту опасности поможет другой женщине совершить побег в гробу.

Нам неизвестно, в каком виде Клеопатра предстала перед Цезарем. В любом случае вряд ли она была величественна, как указывает один источник [7], или вся сверкала золотом и драгоценными камнями, как считает другой. Вряд ли ее волосы были красиво уложены. Что бы там ни напредставляли себе мужчины, каких бы историй ни насочиняли за последние пять столетий бурного расцвета искусства (которому мы обязаны появлением двух величайших пьес в английской литературе), на ней, скорее всего, была всего лишь простая длинная туника. Из аксессуаров – только то, что из всех египетских женщин могла носить она одна: диадема, то есть широкая белая лента, знак эллинской власти. Маловероятно, что она явилась перед Цезарем без повязанной вокруг головы ленты. Свидетельств же того, что Клеопатра обладала умением нравиться всем и каждому [8], у нас более чем достаточно. Все знали, что невозможно говорить с ней и сразу же не попасть под ее огромное обаяние [9]. Для современников такой дерзкий маневр – внезапное появление юной цари-

цы в роскошных залах ее дворца, куда даже Цезарь вряд ли решался входить, — недвусмысленно намекал на вмешательство потусторонних сил. Оглядываясь назад, можно сказать, что эта встреча имела не только серьезные личные последствия для двоих, но и политические — для всего античного мира. Пошла мощная сейсмическая волна, неизбежная при внезапном столкновении двух цивилизаций, движущихся в разных направлениях.

Цезаря, знаменитого быстротой и интуицией, удивить было непросто. Он всегда и всюду появлялся раньше ожидаемого, и даже раньше гонцов, посланных сообщить о его приезде (и этой осенью ему пришлось расплачиваться за то, что прибыл в Египет вперед своих легионов). Большую часть его успехов можно было объяснить скоростью и внезапностью передвижений [10], но и в остальных случаях мало кому удавалось застать врасплох этого собранного, готового к любым непредвиденным обстоятельствам, педантичного и здравомыслящего стратега. Его нетерпение вошло в легенды: что такое *Veni, vidi, vici* — девиз, который появится через год, — если не ода эффективности? Он настолько хорошо разбирался в человеческой натуре, что во время решающей битвы того лета приказал своим воинам не метать копья, а бить ими прямо в лицо бойцов Помпея. По его мнению, их тщеславие должно было возобладать над храбростью. Он оказался прав: помпейцы бежали с поля боя, закрывая лица. За предыдущие десять лет Цезарь преодолел много самых невозможных

препятствий и совершил много самых удивительных подвигов. Он всегда с почтением относился к удаче, но все же чувствовал, что иногда можно слегка «потыкать в нее палочкой», чтобы расшевелить, и приходил в безумный восторг от собственного везения. По крайней мере, в плане изобретательности и принятия смелых решений он нашел в Клеопатре родственную душу.

Впрочем, у молодой египетской царицы было мало общего с пресыщенным любовью мужчиной преклонных лет [11] (Цезарю недавно исполнилось пятьдесят два). О его победах на романтическом фронте ходило не меньше легенд, чем о победах на военном. Злосыкая молва прозвала этого элегантного человека с худым лицом, горящими черными глазами и выдающимися скулами «мужем всех жен и женою всех мужей»²³ [12]. Преувеличение здесь только во втором пункте. Клеопатру за три года до их встречи выдали замуж за ее брата, совсем мальчика [13], который – даже если бы и достиг к своим тринадцати годам половой зрелости, что по тем временам было маловероятно, – большую часть жизни пытался от сестры избавиться. Более поздние комментаторы будут клеймить Клеопатру «распутной дочерью Птолемея», «коварной сиреной», «размалеванной шлюхой, распущенность которой дорого обошлась Риму». На деле же чего у «царицы-потаскухи» не было, когда она материализова-

²³ Гай Светоний Транквилл цитирует Куриона: «Жизнь двенадцати Цезарей. Божественный Юлий», ЛП.3. Здесь и далее цит. в пер. М. Л. Гаспарова.

лась перед Цезарем в октябре 48 года, так это сексуального опыта [14].

Если одно вообще можно отделить от другого, то она скорее думала о выживании, чем о соблазнении. Как ясно продемонстрировали опекуны ее брата, на кону стояло расположение Цезаря. Клеопатре жизненно важно было вступить в союз с ним, а не с благодетелем своей семьи, кампанию которого она поддерживала и обезглавленное тело которого теперь разлагалось на берегу Средиземного моря. В данных обстоятельствах Цезарю незачем было к ней благоволять. С его точки зрения ставить нужно было на молодого царя с боеспособной армией и поддержкой жителей Александрии. Однако на руках Птолемея была кровь Помпея, и Цезарь мог посчитать, что за союз с убийцами римлянина ему сложнее будет оправдаться в Риме, чем за помощь изгнанной, беззащитной царице. Он уже давно понял, что «все действуют более усердно против своих врагов, чем помогают своим друзьям»²⁴ [15]. Скорее всего, Клеопатра, особенно поначалу, оставалась в живых благодаря не столько силе своих чар, сколько неприязни Цезаря к ее брату и его опекунам. Вряд ли они походили на людей, которым можно доверять в финансовых вопросах. К тому же ей повезло. Как предположил один хроникер [16], другой на месте Цезаря мог бы заплатить ее жизнью за жизнь Помпея, просто отрубив ей голову.

²⁴ Дион. XXXVII.lv.2. Здесь и далее цит. в пер. В. В. Рязанова.

Вообще у знаменитого римского полководца был умеренный нрав. Он действительно мог не моргнув глазом убить десятки тысяч человек, но в то же время славился своим милосердием, особенно по отношению к заклятым врагам, порою даже миловал одного и того же дважды. «Прощение молящих о помиловании», – уверял один из его военачальников, – «доставляет ему самое большое удовольствие»²⁵ [17]. Отважная, красноречивая особа царских кровей, без сомнений, была первой в списке молящих. Однако у Цезаря имелась еще одна причина проявить милость к молодой египтянке: в юности он тоже был изгнанником. Он тоже совершал политические ошибки, которые дорого ему стоили. И хотя решение принять Клеопатру могло тогда показаться логичным, оно привело к одному из опаснейших кризисов в его карьере. Когда они встретились, она билась за жизнь. К концу осени за жизнь бились они оба. Следующие несколько месяцев Цезарь проведет в осажденном дворце, на ходу осваивая азы ведения партизанской войны – в незнакомом городе, с сильно превосходящими силами искусного противника. Птолемей и жители Александрии, безусловно, несут кое-какую ответственность за то, что, просидев шесть тяжких месяцев бок о бок за наскоро сколоченными баррикадами, лысеющий ветеран и молодая царица сделались близкими союзниками. Настолько близкими, что к началу ноября Клео-

²⁵ Записки Юлия Цезаря и его продолжателей... об Александрийской войне, 70. Здесь и далее цит. в пер. М. М. Покровского.

патра забеременела.

За всяким большим состоянием, как известно, кроется преступление. Птолемеи были сказочно богаты. Они происходили не от египетских фараонов, чье место однажды заняли, а от своенравных, трудно живших македонцев (суровая земля родит суровых людей, предупреждал Геродот) [18]. Незадолго до смерти Александра Македонского Птолемей – самый предприимчивый из его военачальников, официальный дегустатор его блюд, друг детства и, как считают некоторые, дальний родственник – попросил для себя Египет. Уже тогда проявив семейный талант к лицедейству, Птолемей похитил тело Александра, когда его перевозили в Македонию. Не будет ли от него намного больше пользы в Египте, подумал будущий царь, преградив путь похоронной процессии, особенно в Александрии – городе, который великий герой сам же недавно основал? Туда его и переправили, там и выставили в центре города в золотом саркофаге: он стал реликвией, талисманом, вербовщиком в армию, страховым полисом. (В детстве Клеопатры на том же месте стоял другой саркофаг, из алебаstra или стекла: ее двоюродный дед, нуждавшийся в средствах, продал оригинал, чтобы собрать войско. За подмену он потом заплатил своей жизнью.)

Право династии Птолемеев на египетский престол будет отныне держаться на этой тоненькой ниточке, связывающей их с самой легендарной личностью античного мира. Александра Македонского боготворили все рвущиеся к власти,

в его плащ облачался Помпей, а Цезарь, по слухам, плакал от чувства собственного перед ним ничтожества. Культ был повсеместным. Александру поклонялись и в Египте, и в Риме. Во многих египетских домах стояли его статуи [19]. Овеянный романтикой образ обладал такой притягательной силой, а история I века была так гибка, что некоторые легенды рисовали его потомком египетского колдуна. Довольно скоро начали поговаривать, что он состоял в кровном родстве с царственным семейством: как все уважающие себя выскочки, Птолемеи были наделены даром корректировать историю²⁶. Не отрекаясь от своих македонских корней, основатели династии купили себе прошлое, оправдывавшее их притязания на трон, – как сегодня можно заказать в интернете фамильный герб. На самом же деле Птолемей Первый происходил из семьи македонских аристократов, что ассоциировалось с высоким градусом кипения страстей. Никто в Египте не считал Клеопатру египтянкой. Она вышла из долгой череды злобных, пронырливых, хитрых и часто неуравновешенных македонских правительниц, в число которых входила жившая в IV веке Олимпиада, чьим главным даром человечеству был ее сын, Александр Македонский. Об остальных лучше не вспоминать.

²⁶ И не только они. Один хроникер утверждает, что Александр Македонский спрашивал у известного оракула, кто его отец. У правителя имелись вопросы – так бывает, когда вокруг поговаривают, что твоя мать зачала тебя от змея. Он мудро оставил свиту у ворот храма и преподнес оракулу щедрый дар. Тот в ответ уверил Александра, что он действительно сын Зевса. – *Прим. автора.*

Если за пределами Египта Птолемеи придерживались линии родства с Александром, то внутри страны легитимность их власти подтверждалась сфабрикованной связью с фараонами. Именно эта связь оправдывала браки между братьями и сестрами, считавшиеся египетской традицией. В кругах македонской аристократии с избытком хватало случаев брато- и сестроубийства, но ни одного случая брака между сестрой и братом. Не существовало и греческого слова для понятия «инцест». Птолемеи же довели эту практику до абсурда: из порядка пятнадцати междоусловных браков по меньшей мере десять были союзами родных брата и сестры. Двое Птолемеев женились на племянницах или кузинах. Возможно, это делалось ради упрощения жизни: родственный брак, с одной стороны, сводил к минимуму количество претендентов на трон, с другой – избавлял от толпы назойливых родственников. Он ликвидировал проблему поиска подходящей супруги в чужих краях. А еще бережно поддерживал культ царственной фамилии и возводил Птолемеев фактически в ранг небожителей. Обстоятельства вынудили их обратиться к традиции междоусловных браков, привлечение же на свою сторону божественных сил – а без пункта о родстве с каким-нибудь богом не обходится ни одна приличная фальшивая родословная – ее легализовало. Как египетские, так и греческие боги брали в супруги своих сестер, хотя тут можно возразить, что Зевс и Гера были не очень удачными примерами для подражания.

Эта практика не привела к физическим уродствам, но породила некрасивый нарост на генеалогическом древе. Если родители Клеопатры были родными братом и сестрой, что похоже на правду, то у нее, соответственно, имелась только одна бабка и один дед, которые по совместительству также оказывались друг другу дядей и племянницей. И если вы вышли замуж за своего родного дядю, как было в случае бабки Клеопатры, то ваш папа будет вам еще и зятем. Инбридинг должен был стабилизировать семью, но привел к неожиданному эффекту. Передача власти превратилась для Птолемеев в нескончаемый кризис, из которого приходилось выбираться при помощи ядов и кинжалов. Близкородственные браки консолидировали богатство и власть в руках семьи, но вывели на новый уровень понятие «соперничество между детьми». Трудно отыскать члена этого царственного семейства, не прикончившего на своем веку родственника-другого, и наша Клеопатра VII здесь не исключение. Птолемей Керавн²⁷ женился на единокровной сестре Арсиное II, двух сыновей которой от первого брака вскоре убил; она бежала и потом вышла замуж за своего родного брата Птолемея II, вынудив его развестись с законной женой, потому что та

²⁷ Птолемей Керавн (Молния), старший сын Птолемея I и его жены Эвридики, имел полное право претендовать на трон в силу старшинства, но отец передал власть младшему, Птолемею II, рожденному от последней жены, Береники. Арсиное II тоже была дочерью Птолемея I и Береники – соответственно, приходилась единокровной сестрой Керавну и родной сестрой Птолемею II. И в итоге побывала замужем за обоими.

якобы вступила против него в заговор. Эта женщина стала провозвестницей золотого века Птолемеевой истории и первой, кого начали обожествлять еще при жизни [20]. Братско-сестринские браки имели еще одно неожиданное следствие: к добру или нет, но они сыграли на руку царевнам рода. Во всех отношениях равные своим братьям и мужьям, предшественницы Клеопатры знали себе цену. И становились все более напористыми. Птолемеи не стремились облегчить жизнь будущим историкам: все царствовавшие женщины звались Берениками, Арсиноями или Клеопатрами. Проще различать их по ужасным деяниям, чем по именам. Хотя традиция оставалась незыблемой: многочисленные Клеопатры, Арсинои и Береники травили мужей, резали братьев и предавали забвению матерей, а потом возводили великолепные памятники в честь погибшей родни.

Из поколения в поколение семья участвовала, как теперь это называют, в «грабежах, убийствах и дикой анархии»²⁸ [21], что было слишком даже по весьма нескромным македонским меркам. В этом клане нелегко было отличиться, но Птолемею IV удалось, причем на пике могущества империи. В конце III века до н. э. он убил дядю, брата и мать. Царедворцы не дали ему отравить еще и жену и сделали это сами, как только она произвела на свет наследника. Снова и снова матери посылали войска на сыновей. Сестры воевали с

²⁸ *Франсуа Шаму*. Эллинистическая цивилизация. Здесь и далее цит. в пер. Н. В. Шевченко.

братьями. Прабабка Клеопатры вела одну войну против своих родителей и вторую – против своих детей. Больше всех страдали гравировщики, вырезавшие надписи на монументах: как работать, когда сегодня царственное лицо восходит на трон, а уже завтра нисходит в могилу. Да еще эта неразбериха с датами: каждый новый режим обнулял календарь, вместе с ним обновлялся и титул правителя. Работа замирала всякий раз, когда вспыхивал очередной пожар династической вражды. Когда мать Береники II позаимствовала у дочери мужа-чужеземца, дочь организовала убийство изменника (сама она в будущем падет от руки собственного сына). Не менее выдающейся женщиной была двоюродная прабабка Клеопатры, правившая во II веке Клеопатра III, приходившаяся одновременно женой и племянницей Птолемею VIII. Он изнасиловал ее, когда она была подростком, а он был женат на ее матери. Муж с женой после этого поругались, и Птолемей убил их четырнадцатилетнего сына, изрубил тело на куски и отправил посылку с изуродованными конечностями ко дню рождения матери. Она показала подарок мужа народу. Александрийцы рассвирепели. Еще удивительнее то, что произошло дальше: через какое-то время пара воссоединилась. Восемь лет Птолемей VIII правил совместно с двумя царицами – матерью и дочерью²⁹.

²⁹ В результате некоторой генеалогической перегруженности Птолемей VIII приходился нашей Клеопатре трижды прадедом и дважды прапрадедом. – *Прим. автора.*

В общем, подобная мясорубка вскоре уже выглядела почти неизбежной. Дядя Клеопатры прикончил свою жену, тем самым расправившись и с мачехой (и с единокровной сестрой). Увы, свежеиспеченный царь не учел, что из них двоих она была более популярна. Так что просидел он на троне всего восемнадцать дней, после чего был растерзан разъяренной толпой. Это положило конец буйному легитимному правлению Птолемеев, длившемуся двести лет. Шел 80 год до н. э. Учитывая, что на горизонте уже маячил грозный призрак Рима, нужно было быстро найти преемника. Отец Клеопатры, Птолемей XII, был срочно вызван из Сирии, куда его двадцать три года назад отправили от греха подальше. Известно, воспитывали ли его с прицелом на престол, но совершенно ясно, что другого варианта попросту не оставалось. Чтобы подтвердить свое божественное происхождение и родство с Александром Македонским, он взял себе титул «Новый Дионис». Александрийцы, для которых легитимность все еще много значила, несмотря на обилие насквозь фальшивых родословных, называли его либо «бастардом», либо «авлетом» («флейтистом») [22], потому что он обожал играть на музыкальном инструменте типа флейты. К флейте молодой человек испытывал не меньше чувств, чем к власти, хотя оценить его музыкальные таланты могли разве что второсортные проститутки. Любовь к искусству не помешала ему продолжать семейную традицию кровавых расправ, правда, нужно отметить, его к этому вынуждали обсто-

ательства. (Он был избавлен от необходимости убить свою мать, так как в ней не текло царской крови. Возможно, она была из числа македонских царедворцев.) В любом случае Авлету предстояло решать гораздо более серьезные проблемы, чем назойливость родственников.

Молодая женщина, запертая вместе с Юлием Цезарем в осажденном дворце Александрии, не была, таким образом, ни египтянкой, ни с исторической точки зрения фараоном, ни потомком Александра Македонского, ни даже полноправным Птолемеем, хотя и принадлежала, с какой стороны ни взгляни, к македонской аристократии. Она носила гордое, стопроцентно македонское имя. По-гречески «Клеопатра» значит «Слава отечества»³⁰. Она даже не была Клеопатрой VII, как ее запомнят в будущем. С учетом жутковатой семейной истории, неудивительно, что кто-то где-то просто ошибся в счете.

История Птолемеев, странная и ужасная, не должна скрыть от нас две вещи. Если Береники и Арсинои и были такими же зловещими персонажами, как их мужья и братья, то во многом благодаря своей безграничной власти. (Традиционно они уступали первое место у государственного руля мужьям и братьям, Клеопатра же пренебрегла этой традицией.) Даже при отсутствии матери-регента у Клеопатры

³⁰ В семье Александра Македонского было две Клеопатры: последняя жена его отца и родная сестра, на два года младше Александра. Обе погибли от рук собственной родни. — *Прим. автора.*

перед глазами была масса прародительниц, которые строили храмы, собирали флот, проводили военные кампании и совместно с мужьями правили Египтом. Вероятно, у нее было больше женских ролевых моделей, чем у какой-либо другой царицы в истории. Было ли это, как утверждается, результатом общего вырождения мужчин в роду, неизвестно. Вообще-то у женщин было не меньше предпосылок вырождаться. Однако выдающиеся личности в поколениях, прямо предшествовавших Клеопатре, – с точки зрения проницательности, амбиций, интеллекта – именно женщины.

Более того, Клеопатра выросла в стране, где своеобразно трактовали роль «слабой половины человечества». Задолго до нее и вообще до Птолемеев египетские женщины имели право заключать браки по своему усмотрению. Со временем их свободы расширились до невиданного в древности уровня. Они наследовали наравне с мужчинами и независимо от мужчин владели собственностью. Замужние дамы не обязаны были подчиняться мужьям. Они могли развестись и претендовать на поддержку после развода. Бывшим женам возвращалось их приданое. Собственность жены оставалась у нее, и транжира-супруг не имел никакой возможности ее промотать. Закон вставал на сторону жены и детей, если муж действовал против их интересов. Римлян изумляло, что в Египте только что появившихся на свет девочек не оставляли умирать: римлянин был обязан воспитать только перворожденную дочь. Египетские женщины выходили замуж

позже своих соседок, лишь половина из них – в возрасте Клеопатры. Они занимали деньги и водили баржи, служили в местных храмах, подавали иски и нанимали музыкантов. Будучи женами, вдовами или состоя в разводе, они владели виноградниками, винодельнями, папирусными болотами, кораблями, парфюмерными производствами, мельничным оборудованием, рабами, домами, верблюдами. Есть основания предполагать, что не менее трети птолемеевского Египта находилось в женских руках [23].

Эти реалии так сильно противоречили естественному порядку вещей, что приезжающие иностранцы впадали в ступор. И в то же время, казалось, странные обычаи находились в полной гармонии с землей, где величественная река, дарующая жизнь, текла в обратную сторону, с юга на север, образуя Верхний Египет на юге и Нижний Египет на севере. Нил не только в этом нарушал законы природы: еще он разливался летом и убывал зимой, египтяне собирали урожай в апреле и сеяли в ноябре. Даже порядок посева был обратным. Здесь сначала сеяли, а потом пахали, чтобы прикрыть семена разрыхленным грунтом. Впрочем, для государства, где тесто месили ногами и делали записи справа налево, такое отклонение было как раз нормой. Неудивительно, что Геродот уверял в одном тексте – вероятно, хорошо знакомом Клеопатре, – что египетские женщины ходят на рынок и торгуют, пока мужчины сидят дома и ткут. У нас достаточно свидетельств чувства юмора, имевшегося у Клеопатры, она была

остроумной и любила розыгрыши. Нет надобности спрашивать, как она воспринимала следующее наблюдение Геродота: «Мочатся женщины стоя, а мужчины – сидя»³¹ [24].

В другом наблюдении Геродот совершенно прав: «в этой стране более диковинного и достопримечательного сравнительно со всеми другими странами». Египет успел очаровать весь мир задолго до Птолемеев. Там имелась древняя цивилизация, неисчислимые странности природы, памятники поражающей воображение масштабности, два из семи чудес света. (Конечно, в те стародавние времена оставалось гораздо больше пространства для чудес, но и пирамиды тогда были выше почти на 10 метров.) В перерывах между кровопролитиями, в основном в III веке до н. э. и до того, как династию из-за собственных пороков начало потряхивать в конце II века, Птолемеи сумели реализовать планы Александра Македонского. В дельте Нила вырос чудо-город, столь же рафинированно изысканный, сколь неотесаны были основавшие его люди. Александрия издала сверкала слепящим светом, вся из роскошного гладкого мрамора, и над этим великолепием горой возвышался ее могучий маяк. Знаменитый пейзаж тиражировался на лампах, мозаиках, керамической плитке. Архитектура города являла собой пеструю, дикуую смесь разных культур. В величайшем из средиземноморских портов ионические колонны венчались связками папирус-

³¹ *Геродот. История в девяти книгах*, II.xxxv. Здесь и далее цит. в пер. Г. А. Стратановского.

ных метелок. Гигантские сфинксы и соколы восседали у входов в греческие храмы. Божества с крокодильими головами в римских одеждах украшали дорические гробницы. Александрия, «будучи величайшим и прекраснейшим городом мира»³² [25], охраняла землю сказочных богатств и фантастических существ, и римлян туда тянуло как магнитом. Такого человека, как Юлий Цезарь, который, несмотря на все свои приключения, ни разу еще не был в Египте, мало что могло потрясти сильнее, чем сообразительная молодая женщина, явившаяся ему из полотняного мешка.

Она родилась в 69 году до н. э. и была второй из трех дочерей. Потом на свет появились два ее брата, с каждым из которых Клеопатра в дальнейшем пробудет в недолгом браке. И хотя родиться Птолемеем никогда не было безопасным делом, I век до н. э. можно назвать наихудшим для этого временем. Все пятеро наследников трона умрут насильственной смертью. Из них только Клеопатре удастся самой избрать способ своего ухода, серьезное достижение и, по римским меркам, весомый знак отличия. Сам факт того, что она была все еще жива, когда в Египет прибыл Цезарь, говорит о силе ее характера. Она однозначно готовилась к борьбе с царствующим братом в течение как минимум года, особенно энергично в последние несколько месяцев и почти круглосуточно в последние недели лета. Не менее показательным, что она

³² Филон Александрийский. О посольстве к Гаю, XLIII.338. Здесь и далее цит. в пер. О. Л. Левинской

пережила своих братьев и сестер на десятилетия. Ни один из ее братьев не дожил до совершеннолетия.

О ее матери до нас не дошло ни полслова [26]. Она исчезла со сцены в раннем детстве Клеопатры и умерла, когда дочери еще не исполнилось двенадцати. Неясно, знала ли о ней дочь больше, чем знаем сегодня мы. Похоже, то была редкая женщина из рода Птолемеев, уклонившаяся от роли в семейной мелодраме³³. Клеопатра V Трифена, будучи на несколько десятков лет моложе Авлета, своего родного либо единокровного брата, вышла за него замуж вскоре после его восхождения на трон. Тот факт, что родная тетя оспаривала право Авлета царствовать – она даже поехала в Рим, чтобы завести против него дело, – не особо важен, если учесть динамику семейных отношений³⁴. Он может, однако, немало поведать о ее политических инстинктах. Многие считали, что Авлет больше интересовало искусство, нежели управление государством. Несмотря на двадцать два года (с коротким перерывом) у руля, его запомнят как фараона, который играл на флейте, пока египетский корабль шел ко дну.

Нам почти ничего не известно о детстве Цезаря, но Клео-

³³ Также неясно, была ли она матерью Клеопатры. Хотя будь Клеопатра незаконнорожденной, вряд ли эта деталь осталась бы незамеченной ее недоброжелателями. – *Прим. автора.*

³⁴ Некоторые историки считают, что истица, Клеопатра Селена, на самом деле была родной матерью Авлета. Так или иначе, женщина из рода Птолемеев не колеблясь громко озвучивала свое мнение – и готова была ради этого зайти весьма далеко. – *Прим. автора.*

патра шествует и дальше его: о ее детстве мы не знаем ничего вообще. И даже если бы место, где она провела свои ранние годы, не покоилось бы сегодня на дне моря под шестиметровой толщей воды и даже если бы александрийский климат был не так жесток к древним папирусам, вряд ли мы знали бы больше. Детство не очень хорошо продавалось в античном мире, где первую скрипку играли рок и происхождение. Главные герои обычно появлялись на сцене уже полностью сформированными. Можно с большой долей вероятности предположить, что Клеопатра родилась во дворце в Александрии; что ее нянчила кормилица; что специальная служанка разжевывала первые кусочки твердой пищи, прежде чем положить их ей в беззубый ротик; что ничто не могло коснуться ее губ, если не прошло проверку на наличие яда; что в друзьях у нее числилась стайка высокородных детей, звавшихся «сводными братьями и сестрами» и обреченных стать царским окружением. Даже когда она носилась по колоннадам дворца, пролетая мимо фонтанов и прудов, буйных рощ и зоопарка – ранние Птолемеи держали у себя жирафов, носорогов, медведей и 14-метрового питона [27], – ее окружала свита. С молодых ногтей она прекрасно себя чувствовала в обществе политиков, послов и ученых, легко общалась с государственными служащими в пурпурных плащах. Играла с терракотовыми куклами, и кукольными домиками, и крошечными мебельными гарнитурами, игральными костями, деревянными лошадками и ручными мышками,

но нам никогда не угадать, что именно она делала со своими куклами, например, устраивала ли между ними игрушечные сражения, как Индира Ганди.

Вместе со старшей сестрой Клеопатру готовили к трону: Птолемеи всегда имели в виду любую случайность. Она регулярно совершала поездки вверх по Нилу, в родовой дворец, построенный в гавани Мемфиса, для участия в традиционных египетских религиозных празднествах – тщательно отрепетированных, помпезных процессиях с участием членов семьи, советников и слуг. Расположенный в 120 километрах вверх по реке Мемфис считался священным городом и управлялся жрецами. Принято полагать, что главным его делом была смерть [28]. Под центральной частью города тянулись длинные тоннели, забитые мумиями животных. Сюда стремились пилигримы, чтобы задобрить богов и запастись миниатюрными мумифицированными ястребами и крокодилами, которым они будут поклоняться дома. Для особых случаев Клеопатру наряжали в парадные одежды, хотя пока еще не в традиционную египетскую корону из перьев, солнечного диска и рогов коровы. С раннего возраста она получала самое лучшее образование, какое только было доступно в эллинистическом мире, училась у светлейших ученых голов в не имеющем себе равных, величайшем образовательном учреждении своего времени: Александрийская библиотека с прилегавшим мусейоном удобно располагались прямо у нее во дворе. Известнейшие философы были ее учителя-

ми, светила науки – ее врачами. Ей не приходилось далеко ходить за целебным снадобьем, красивой речью, механической игрушкой или географической картой [29].

Она была, скорее всего, образованна гораздо лучше своего отца – воспитанного за границей, в Малой Азии, – но в чисто греческих традициях, почти так же, как Цезарь, наставник которого учился в Александрии. Основной упор делался на литературу. Буквы в греческом мире значили очень много, к тому же они использовались еще и как цифры, и как нотные знаки. Сначала Клеопатра училась читать, распевая греческий алфавит, потом – находя буквы, вырезанные учителем на узкой деревянной дощечке. Прилежный ученик далее практиковался в письме длинными рядами по горизонтали, затем по вертикали, в обратном порядке, по парам с обоих концов алфавита, прописными и снова строчными. Когда Клеопатра «доросла» до слогов, перед ней выстраивались шеренги малопонятных, непроизносимых слов – одно другого нелепее. За ними шли косяки не менее бессмысленных эзотерических рифм: видимо, считалось, что, если ученик сможет расшифровать это, он сможет расшифровать что угодно. Потом наступало время максим и поэзии, взятых из легенд и мифов. Ученик должен был сначала пересказать басню Эзопа своими словами, в простейшей форме, а после – в высокопарном стиле. Далее переходили к более сложным перевоплощениям. Она могла писать от имени Ахилла, находящегося на краю гибели, или переделывать сюжет из

Еврипида. Занятия не были легкими. Образование было серьезным делом, включавшим постоянные повторения, бесконечные правила, занимавшим долгие часы. Не было такой штуки, как выходные: учиться надлежало каждый день, кроме праздников, которых, слава богам, в Александрии хватало. Дважды в месяц все замирало благодаря Аполлону. Дисциплина была жестокой. «У ученика уши на спине – во время порки он слушает», – гласит древний папирус [30]. Драматург Менандр добавил этому изречению причинно-следственного звучания: «Кого не били, того не научили». Многие поколения школьников послушно царапали эту фразу костяными стилусами по деревянным табличкам, покрытым темным воском.

Еще до перехода к предложениям у не умеющей пока читать Клеопатры начался роман с Гомером. «Гомер был не человек, но бог», – красовалось на одной из ранних ученических табличек, вместе с первыми песнями Илиады. Ни один другой текст не пропитывал собой так сильно мир, в котором она жила. В век, помешанный на истории и чутко настроенный на славные подвиги, труд Гомера был настольной книгой, настоящей Библией. Гомер считался главой поэтов [31], 15 693 строки его поэм составляли духовный, политический, исторический и религиозный контекст эпохи, служили списком великих деяний и руководящих принципов, интеллектуальным мерилom и моральным компасом. Образованный человек цитировал Гомера, перефразировал его стихи, ссы-

лался на них. Как заметил современник, «с самого раннего возраста младенческое состояние умов только начинающих учиться детей вскармливается наставничеством Гомера, и мы едва ли не с пеленок питаем свои души его словами, как материнским молоком»³⁵ [32]. Справедливо будет отнести сказанное к детям, подобным Клеопатре. Александр Македонский, как говорили, всегда имел под подушкой свиток Гомера; любой благовоспитанный грек, включая будущую царицу, мог наизусть цитировать из Илиады и Одиссеи. Первая была популярнее у египтян в век Клеопатры – видимо, этот сюжет казался более актуальным в беспокойные времена, – однако уже в раннем детстве она знала теоретически то, что в двадцать один год постигла эмпирически: бывают дни, когда ты готов начать войну, и бывают дни, когда надо просто вернуться домой.

Начальное образование внедрялось с перечнем имен богов, героев, рек. Далее следовали более утонченные задания. Какую песню пели сирены? Была ли Пенелопа безгрешна? Кто мать у Гектора? Запутанные родственные связи небожителей, должно быть, не вызывали затруднений у царевны из рода Птолемеев, рядом с генеалогией которых бледнели даже истории олимпийских богов. К тому же генеалогии пересекались, граница между человеческим и божественным для Клеопатры была размыта. (Школьные уроки тоже смешива-

³⁵ *Гераклит*. Гомеровские вопросы, 1.5. Здесь и далее цит. в пер. Е. А. Марантиди.

лись с прошлым ее семьи при изучении жизни Александра, другого неизбежного героя школьной скамьи. Клеопатра наверняка знала его историю вдоль и поперек, как знала о каждом поступке своих предков Птолемеев.) Первые вопросы были шаблонными, юный ум – цепким. Упор делался на зубрежку. Какой бог кому помогал? По какому маршруту двигался Одиссей? Вот примерно чем, скорее всего, была набита головка маленькой Клеопатры, тогда именно это принималось за эрудицию. В царское окружение входили философы, риторы и математики, бывшие одновременно менторами и слугами, интеллектуальными компаньонами и доверенными советниками.

За недостижимым Гомером шествовала обширная толпа писателей. Естественно, все любили жизнерадостные пьесы Менандра, хотя со временем популярность его упала. Клеопатра знала басни Эзопа, знала Геродота и Фукидида. Поэзии она читала больше, чем прозы, хотя вполне вероятно, что ей были знакомы тексты, которые сегодня мы называем Книга Экклезиаста и Первая книга Маккавейская. Среди трагиков первенство принадлежало Еврипиду, отвечавшему историческому моменту – с его сонмом коварных женщин, неустанно и трудолюбиво ткущих вокруг себя паутину козней. Многие сцены она, несомненно, знала наизусть. Эсхил и Софокл, Гесиод, Пиндар и Сафо – всех их читала Клеопатра и другие благородные девочки из ее окружения. Для нее, как и для Цезаря, мало значения имело все негреческое.

Возможно, даже историю Египта она изучала по трем греческим текстам. Немного арифметики, геометрии, музыки, астрологии и астрономии (два последних пункта – совсем по верхам) шло «гарниром» к «главному блюду» – словесности. Клеопатра знала разницу между звездой и созвездием и, может быть, могла сыграть на лире, но все это считалось вторичным. Даже Евклид не смог бы ответить ученику, если бы тот спросил его, зачем в дальнейшем ему может пригодиться геометрия.

Ни с одним из текстов Клеопатра не знакомилась в уединении. Она читала вслух или ей читали учителя либо слуги. Чтение про себя было не очень распространено, ни на публике, ни самостоятельно. (Свиток папируса из двадцати листов был громоздким и хрупким. Читать обычно приходилось с помощью обеих рук, правой держа свиток и левой скатывая прочитанную часть.) Один или несколько грамматиков помогали ей разбирать первые предложения, непростая задача – иметь дело с языком, на котором пишут без пробелов, абзацев и какой-либо пунктуации. Недаром умение читать с листа считалось серьезным достижением, тем более что делать это надлежало с блеском и экспрессией, четкой артикуляцией и впечатляющими жестами. Лет в тринадцать-четырнадцать Клеопатра начала изучать риторику и искусство публичных выступлений – вместе с философией, важнейшим и сильнейшим из искусств, что ярко продемонстрировал наставник ее брата в истории с Помпеем. Феодот, кстати, мог

в какое-то время быть и наставником царицы.

Учителя риторики творили настоящие чудеса. Хотя девочек это касалось в меньшей степени, общество, в котором жила наша героиня, возводило мастерство владения словом в культ, умение строить веские аргументы и тонкое искусство убеждения и опровержения ценились очень высоко. Пышные речи произносились с использованием особых слов и жестов и выглядели чем-то средним между поэтическими чтениями и парламентскими дебатами. Клеопатра училась мыслить ясно, говорить артистично, двигаться изящно. Можно предположить, что форма главенствовала над содержанием, ведь «если краса человека – дарование, то цвет самого дарования – красноречие», – считал Цицерон³⁶ [33]. Высоко подняв голову, сверкая глазами и правильно интонируя, она шлифовала свое мастерство в надгробной речи, в обвинительной речи, в сравнении. Она училась кратко и энергично, призывая в помощники юмор и аллюзии, высказываться на разные щекотливые темы: почему Купидона изображают крылатым мальчиком с луком и стрелами? Где лучше жить – в деревне или в городе? Правит ли миром Провидение? Что бы ты сказала, если бы была Медеей, собирающейся убить собственных детей? Вопросы были одинаковыми, но ответы могли разниться. Некоторые из них – например, «справедливо ли будет убить свою мать, если она уби-

³⁶ Цицерон. Брут, или О знаменитых ораторах, XV.59. Пер. И. П. Стрельниковой.

ла твоего отца?» – возможно, воспринимались в доме Клеопатры иначе, чем где-нибудь еще. И, несмотря на некоторую шаблонность, история быстро начала втираться в процесс обучения. Вскоре ученики станут спорить, должен ли был Цезарь наказать Феодота, того самого, который стоял за разработкой операции «Мертвец не укусит». Было ли убийство Помпея на самом деле на руку Цезарю? А что там с вопросом чести? Стоило ли Цезарю убить советника Птолемея, чтобы отомстить за Помпея, или это означало бы, что Помпей не заслуживал смерти? Насколько мудрым шагом стало бы начать тогда войну с Египтом? [34]

Аргументы нужно было преподносить совершенно определенным образом. Клеопатру инструктировали, как дышать и работать с голосом, где делать паузу, когда жестикулировать, куда шагать. Ей предписывалось держаться прямо. Не ломать пальцы. Если «исходный человеческий материал» не имел дефектов, такое образование могло гарантированно вылепить из него страстного, убедительного оратора, а заодно выработать у него обыкновение демонстрировать свой быстрый ум и острый язык в обществе и в суде. Как позже писал один ритор: «Великого труда, непрерывного учения, многих опытов, совершенного благоразумия и здравого рассудка требует наука Красноречия». (У того же автора в другом месте читаем, что этот изнурительный труд если бы не использовался в суде, то походил бы «только на выставку театральной ловкости и на неистовый крик» [35].)

В 51 году, когда ее отец скончался от неизлечимой болезни, Клеопатра как раз заканчивала обучение. На торжественной церемонии, под руководством верховного египетского жреца, она вместе с братом взошла на трон, возможно, в конце той же весны. Если церемония проводилась по всем правилам, она должна была состояться в Мемфисе, духовной столице Египта, где охраняемая сфинксами дорога вела сквозь дюны к главному храму с его белокаменными пантерами и львами, с греческими и египетскими часовнями, недавно покрашенными и увешенными великолепными знаменами. Заставляя колыхаться густой от благовоний воздух, жрец в длинном льняном одеянии, с переброшенной через плечо шкурой пантеры, водрузил ей на голову две соединенные короны, символы власти над Верхним и Нижним Египтом. В святилище она по-египетски произнесла клятву, и только после этого ее увенчали диадемой. Свежеиспеченной царице было восемнадцать, Птолемею XIII – на восемь лет меньше. На самом деле в тот век рано выросли. Александр Македонский в шестнадцать командовал армиями, а в двадцать уже стал властелином мира. И, как сказали позже в отношении Клеопатры: «Иные женщины в семьдесят моложе большинства семнадцатилетних» [36].

Легко понять, как она добилась успеха. В почете было слово изреченное. Клеопатра знала, как и что следует говорить. Даже недруги высоко ценили ее мастерство вербальной коммуникации. Ее «сияющие глаза» всегда упоминаются в

связке с красноречием и харизмой [37]. Она по природе своей подходила для публичных выступлений, с этим глубоким бархатным голосом и даром завладевать вниманием публики, безошибочно улавливая ее чаяния. Здесь у нее были преимущества перед Цезарем. Хотя Александрия и принадлежала к греческому миру, но все же находилась в Африке. В то же время, находясь в Египте, Александрия не была Египтом. Человек тогда перемещался между Египтом и Александрией примерно так же, как сегодня перемещается между Манхэттенем и Америкой, хотя в первом случае нужно было еще и переключаться на другой язык. С самого начала Клеопатра привыкла выступать перед двуязычной аудиторией. Ее семья правила страной, даже в те стародавние времена поражавшей своей древностью. В этой стране говорили на самом архаичном из языков. Который был, к слову, слишком официальным и неуклюжим, с невероятно сложным письмом. (Письмо было демотическим. Иероглифы использовались исключительно для церемониальных целей; даже грамотные люди могли понять только часть из них [38]. Вряд ли Клеопатра с легкостью читала древние иероглифические записи.) Выучить этот язык было намного сложнее, чем греческий, на котором в то время велись дела и писались документы и которым легко овладевали египтяне. Носители египетского языка поголовно учили греческий, а обратное происходило крайне редко. Однако Клеопатра не поленилась. Она, судя по всему, единственный Птолемей, который дал себе

труд выучить родной язык семимиллионного народа своей собственной страны [39].

Овчинка определенно стоила выделки. Там, где ее предшественники командовали армиями через переводчиков, Клеопатра общалась напрямую. Для того, кто вербовал наемников среди сирийцев, мидян и фракийцев, это было несомненным преимуществом, для того, кто нацелился на царскую корону, – тоже. Это помогало и в вальянском, этнически неоднородном, космополитичном городе, куда стекались иммигранты со всего Средиземноморья. В Александрии вы могли нанять на работу людей семи разных народностей [40]. На улице встречались буддийские монахи, здесь образовалась крупнейшая за пределами Иудеи еврейская диаспора, возможно, составлявшая почти четверть населения города. Весьма выгодно Египет торговал с Индией: вдоль побережья Красного моря караванными маршрутами двигались дорогие шелка, специи, слоновая кость и сами слоны. У Клеопатры было достаточно оснований учить наречия прибрежных регионов. Если верить Плутарху, она владела девятью языками, в том числе ивритом и языком живших в Эфиопии троглодитов, который, по Геродоту, «не похож ни на какой другой: они издают звуки, подобные писку летучих мышей» [41]. В исполнении Клеопатры он конечно же был гораздо благозвучнее. «Самые звуки ее голоса ласкали и радовали слух, – писал Плутарх, – а язык был точно многострунный инструмент, легко настраивающийся на лю-

бой лад, – на любое наречие, так что лишь с очень немногими варварами она говорила через переводчика, а чаще всего сама беседовала с чужеземцами [42].

Плутарх молчит о том, знала ли Клеопатра латынь, язык Рима, которым мало пользовались в Александрии. Будучи прекрасными ораторами, Клеопатра и Цезарь наверняка общались на очень похожем греческом [43]. Однако изменения лингвистического ландшафта многое могли сказать об историческом моменте, в котором она теперь находилась, а также о ее греческом прошлом и римском будущем. Всего одно поколение назад добрый римлянин вообще не хотел говорить по-гречески, вплоть до того, что прикидывался дремучим неучем. «Кто лучше всех знает по-гречески, – гласила мудрость, – тот и есть величайший негодяй»³⁷ [44]. Это был язык высокого искусства и низкой морали, диалект инструкций по плотской любви [45], наречие, которое хватает тебя «как пальцами»³⁸ [46]. Греки позволяли себе слишком много, заметил позже один ученый, в том числе такие вольности, какие не следует читать детям³⁹ [47]. Однако поколение

³⁷ Цицерон. Об ораторе, II-265. Пер. Ф. А. Петровского.

³⁸ Ювенал. Сатиры, 6.190. Здесь и далее цит. в пер. Д. С. Недовича.

³⁹ Нечто похожее произошло с французским в Америке. Колонизаторы считали язык распутного Старого Света чем-то вроде переносчика заразы: куда бы ни пришли французы, за ними всюду обязательно следовали легкомыслие и порок. К началу XIX в. французский язык со своей экспрессивностью, лексическим богатством и каким-то раздражающим превосходством в нюансах сделался несомненным показателем высокой культуры говорившего. Одних это восхищало,

Цезаря, шлифовавшее свое образование в Греции или бравшее уроки у греческих наставников, владело обоими языками одинаково превосходно, причем греческий – намного более выразительный, более гибкий, более утонченный, сладкозвучный и учтивый – всегда попадал «в яблочко». Уже ко времени рождения Клеопатры любой образованный римлянин свободно говорил на обоих языках. В какой-то момент даже казалось, что возможны грекоговорящий Восток и грекоговорящий Запад. А всего через двадцать лет Клеопатра будет вести дела с Римом, едва владеющим ее языком. И последнюю свою сцену она сыграет на латыни наверняка с акцентом.

Большой эстет и покровитель искусств, при котором в Александрии начался интеллектуальный подъем, Авлет позаботился, чтобы его дочь получила первоклассное образование. Клеопатра продолжит традицию и тоже наймет для своей дочери выдающегося учителя. И не она одна. Хотя девочки ни в коем случае не получали полного образования, они посещали школы, участвовали в поэтических состязаниях, становились учеными. Немало высокородных девиц I века до н. э. – включая и тех, которых не готовили к трону, – далеко заходили по пути обучения, иногда даже проделывали весь тернистый путь будущих риторов. У дочери

других – возмущало, и в итоге неприятие победило. Спустя весьма насыщенное событиями столетие французский уже казался американцам старомодным, многословным, неуместным и чопорным. – *Прим. автора.*

Помпея был отличный наставник, и она декламировала отцу Гомера. По мнению Цицерона, его дочь была «чрезвычайно хорошо образованна» [48]. Мать Брута одинаково хорошо знала латинскую и греческую поэзию. В Александрии имелись женщины-математики, врачи, художники и поэты. Это не означало, что они не вызывали подозрений: образованная женщина всегда и везде была опасна. Однако в Египте к этому относились снисходительнее, чем где-либо еще [49]. Корнелия, красавица-жена Помпея, находившаяся от мужа в нескольких ярдах, когда ему снесли голову близ Пелузия, и в ужасе закричавшая, была того же склада, что и Клеопатра. Она «получила прекрасное образование, знала музыку и геометрию и привыкла с пользой для себя слушать рассуждения философов. Эти ее качества соединялись с характером, лишенным несносного тщеславия – недостатка, который у молодых женщин вызывается занятием науками»⁴⁰ [50]. Довольно скупое, но все же восхищение. О жене одного римского консула, несмотря на все ее опасные дарования, вскоре после встречи Клеопатры с Цезарем той осенью было вынесено такое суждение: «умом она отличалась тонким: умела сочинять стихи, шутить, говорить то скромно, то нежно, то лукаво; словом, в ней было много остроумия и много привлекательности»⁴¹ [51].

⁴⁰ *Плутарх*. Помпей, LV.1–2. Здесь и далее цит. в пер. Г. А. Стратановского.

⁴¹ *Салюстий*. О заговоре Катилины, XXV. Здесь и далее цит. в пер. В. О. Горенштейна.

Для Цезаря Клеопатра была в каком-то смысле родственной душой. К тому же являла собой живую нить, тянущуюся через века прямо к Александру Македонскому, уникальный продукт невероятно утонченной цивилизации, наследницу потрясающей интеллектуальной традиции. Александрийцы изучали астрономию, когда Рим был всего лишь разросшейся деревней. То, что сейчас возрождалось, во многом было построено ее предками. Несмотря на творившиеся дикости и скромный уровень развития культуры в Македонии, Птолемеи умудрились создать в Александрии крупнейший для своего времени интеллектуальный центр, словно принявший эстафету у угасающих Афин. Птолемей I, основавший знаменитую библиотеку, намеревался собрать там все существующие тексты, и добился в этом немалого успеха [52]. Говорили, что он был настолько жаден до литературы, что прибирал к рукам все прибывающие в город свитки, иногда возвращая вместо подлинников копии. (Еще он предлагал вознаграждение тем, кто пополнял собрание, в результате чего там оказались и фальшивки.) Античные источники утверждают, что в коллекции было 500 000 папирусных свитков, что выглядит безнадежным преувеличением, скорее их насчитывалось 100 000. В любом случае по сравнению с этим хранилищем все остальные существовавшие тогда библиотеки выглядели бледно. Здесь собирались все произведения, когда-либо написанные по-гречески. И нигде они не были так доступны и так грамотно каталогизированы —

разложенные по ячейкам по алфавиту и тематике – как в великой Александрийской библиотеке.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.